

Консерватория по-прокофьевски

(К выходу в свет дневников композитора)

«Да, это была победа, дорогая мне тем, что она произошла в столь любимой мною консерватории, и еще тем, что я не был поглажен по головке, как исправный ученик, а одержал победу новым словом, моим словом, поставленным наперекор рутине и закаменелым традициям консерватории». (22.04.1914).

Эта запись сделана Сергеем Прокофьевым после выпускного экзамена по специальному фортепиано, где он выступил и как композитор, исполнив свой I концерт.

Многое сразу представляется за этими словами — и необычайная личность Прокофьева, и то, что известно нам о его обучении в консерватории, — но сегодня мы имеем возможность расширить эти представления.

Пятидесятилетняя годовщина смерти Прокофьева позволила открыть миру его дневник. В 1990-м году Святослав Сергеевич, сын композитора, опубликовал записи отца от 1927 года, впечатления от поездки в «большевизию». Теперь нам доступны хроники с 1907 по 1933 год, с тех пор как «начали мелькать молодые девушки из консерватории: казалось страшно важным ничего не пропустить» (2, 8) до времени окончательного возвращения в СССР. Внук Прокофьева, Сергей Святославович, занимавшийся их изданием, почтил музыкальную родину деда великолепным подарком, передав Санкт-Петербургской Консерватории экземпляр 3-х томника. В Москве издательство «Классика XXI» только готовит выпуск «Дневников», мы же будем надеяться на скорейшее появление подарка на витрине читального зала.

Прокофьев писал о сложности прочтения документа такого рода в известном предисловии к «Автобиографии», работе, которой он хотел предвосхитить своих неизбежных жизнеописателей.

Конечно, «Автобиография» не может не быть более объективной по тону, чем записи, «по горячим следам» и «для себя». И хотя дневники двух учебных лет 1907–09 гг. использованы в ней практически исчерпывающе, но многое сглаживается, интереснейшие мелочи бесспорной, но сиюминутной важности опускаются.

«Я останавлиюсь на вопросе о контрамарках, потому, что это составляло момент животрепещущий для учеников композиторского класса», — читаем в «Автобиографии» (2, 339). Другие, не менее животрепещущие темы в жизни студента: отношения с товарищами и педагогами, организация концертов и балов силами учащихся, занятия, экзамены.

С бóльшим азартом, чем это приведено в «Автобиографии», описывает Сергей Прокофьев выпускной экзамен по композиции — ожидание под дверями и результаты.

Новостью оказывается и следующая вскорости запись: «Не знаю уж, что там папа, но только он настоятельно заставил меня забрать диплом. Я конечно предпочел бы его оставить и вижу только одну хорошую сторону во взятии его, что я не буду больше связан и свободнее смогу ругаться с Лядовым». (13.05.1009).

«Я всегда чувствовал потребность самостоятельного мышления и следования своим собственным идеям. У меня были постоянные споры с моими профессорами в консерватории, поскольку я никогда не хотел что-либо делать только потому, что этого требуют правила», — скажет Прокофьев в 1918 году. (1, 30)

Нет надобности расцвечивать статью едкими замечаниями Прокофьева этих и более поздних лет в адрес Лядова, Глазунова, но отношения с некоторыми другими педагогами дневник освещает с новой стороны.

Интересно проследить за развитием отношений с Н.Н. Черепниным от «Надоел мне что ли дирижерский класс? — нет» в 1908 году через «кажется, Черепнин уверовал в меня» в 1910 до действительного профессионального признания.

Н.Н. Черепнин, как известно, оказал огромное влияние на начинающего музыканта. «Среди моих преподавателей Черепнин был самый живой и интересный музыкант, хотя весь сшитый из контрастов» (2, 338). Благодаря ему, Прокофьев в самом начале пути заявил о себе как о ярком дирижере.

Позднее он неизменно отзывался о Николае Николаевиче с уважением и благодарностью..., но, кажется, без особой любви. Столкновение характеров и убеждений нередко усложняли отношения в дирижерском классе.

С большим почтением и любовью относился Прокофьев к С.И. Танееву. И хотя ему не довелось обучаться у преподававшего в Московской консерватории композитора, но говоря о консерваторских годах Прокофьева, нельзя обойти вниманием этого выдающегося человека, неоднократно дарившего юного музыканта своей заботой. Вспомним хотя бы, что именно по его совету Р.М. Глиэр начал занятия

музыкой с одиннадцатилетним мальчиком. В сороковом году на просьбу интервьюера Прокофьев отвечает: «Я бы с удовольствием повспоминал Танеева, но я был так мал, когда встречался с ним, и как следствие — так ненаблюдателен, что вышли бы у меня воспоминания «Танеева о Прокофьеве», а не «Прокофьева о Танееве» (1, 185).

Однако дневник от 15.02.1910 ярко обрисовывает человеческие и профессиональные качества и одного и другого:

«Случилось так, что я ехал в Москву в одном поезде с С.И. Танеевым. И скандал: я ехал во втором классе, а он в третьем. Было очень стыдно. Я, положим, все время сидел у него, и он был так любезен, что удерживал меня до половины первого. И нельзя себе представить, сколько полезных сведений он мне дал за эти пять часов. Под конец он сам увлекся и прочел целую лекцию по теории композиции, и о регистровке, и о рисунке музыкальном, и о приеме писать вариации, словом, в несколько часов дал мне в десять раз больше, чем Витоль и Лядов в полтора года. В Москве я успел побывать у него еще два раза <...>. И опять дал кучу интересных сведений по теории композиции. Вот у кого бы учиться!»

Немало сомнений пережил Прокофьев в связи с переходом из класса специального фортепиано А.А. Винклера в класс А.Н. Есиповой. Зато позднее в дневнике, в отличие от сдержанного тона «Автобиографии», восторженное почитание пианистки прорывается в неоднократных изъявлениях удовольствия по поводу перевода в ее класс. Но и собственное чувство привязанности, как обычно, Прокофьев оценивает с иронией, описывая, например, деятельное участие свое в организации «посыпания» Есиповой цветами на одном из концертов, или цитируя слова Б. Захарова, с которым был дружен: «Уж если ее хвалит Сергей, который всех ругает и никого не признает, то можно быть уверенным, что она хороша! Я серьезно это говорю!» (03.09.1911)

Стремление к совершенствованию и талант, снисходительное отношение ко всему устоявшемуся и уверенность в своей правоте — основа личности Прокофьева. Та основа, которая дается свыше и редко изменяет человеку в течение жизни. Качества лидера, готового покорить и изменить мир, проявляются еще в мальчишеских озорствах, попускавшихся даровитому студенту. А он после описания очередной выходки анализирует: «Зачем я это проделал? не знаю. Вероятно, меня просто интересовало: что из этого выйдет, да и весь класс хохотал». (10.03.1908)

Как нечто должное воспринимает юный Прокофьев всеобщее признание своего таланта. «Был молебен по случаю нового зала <...> Научные классы мальчишек и

девиц выстроили в шеренгу. Когда мы с Максом пришли на молебен и быстрым темпом прошли мимо шеренги, то мальчишки, большей частью оркестровые музыканты, стали отдавать честь. Я шутя, им отвечал, но вообще вышло эффектно» (30.11.1912).

Сначала это почти шутка, но с какого-то момента дневник Прокофьева начинает напоминать что-то вроде отчета о блестящем восхождении. Одной из главных побед стало исполнение на экзамене I фортепианного концерта. Эффект обвала вызвала «Скифская сюита».

Трудный, неоднозначный успех произведения начинается с постепенного покорения оркестрантов на, можно сказать, боевых репетициях. А в день генеральной репетиции:

«Зилоти был в восторге, бегал по залу и говорил: “По морде! По морде”, — что означало, что этой пьесой я дам публике по морде.

Когда за пульт встал Черепнин, а я прошел в зал, меня с двух сторон обсели Зилоти и Коутус и принялись:

Зилоти: — Все, что ни напишете, все сыграю...

Коутус: — Все, что ни напишете, сейчас поставим...

Зилоти: — Что у вас есть для будущего сезона?

Коутус — В каком положении опера?

<...>

Малько был очень доволен, Нурок в восторге, Бенуа тоже, Штейнберг ругался, Вальтер, благожелательный, но ничего не понявший, имел сконфуженный вид. <...>

Глазунов <...> демонстративно покинул зал. С Оссовским разговоры о Российском Музыкальном Издательстве. <...> Великолепно, к черту Юргенсона». (15.01.1916)

Именно с Петербургской консерватории началось очень раннее для композитора признание. И с редкой самоуверенностью и целенаправленностью расширяет Прокофьев свою известность и влияние.

Концерт в Кисловодске. «Публики еще меньше, прямо противно играть, но я заставил себя взять в руки: это ведь не концерт, а репетиция для Москвы, именно для Москвы, а не Петрограда, — в Петрограде меня знают и любят, а Москву надо еще покорить. Лавры молодого пианиста Орлова, любимца Московской публики, изящного, но пустого пианиста не дают мне покоя. Ну а за Орловым надо побороть и Рахманинова». (10.1917)

На одном из последних перед отъездом Прокофьева из России концертов Петроград благословляет своего любимца на дальнейшие победы:

Первая симфония: «Когда я встал за пульт, то из верхнего окна луч солнца упал мне на голову. У меня пошли лиловые круги в глазах, но мой поклон говорил, что это было приветствие солнца солнечной симфонии и мне».

Пройдет тринадцать лет, прежде чем Прокофьев напишет: «Я с острым любопытством всматривался в учреждение, которое в течение десяти лет было центром моей жизни: с 13 лет до 23». (21.02.1927)

Встречи, выступления в столь знакомых стенах воспринимаются сквозь воспоминания. Глазами бывшего консерватора смотрит Прокофьев на устраиваемый ему торжественный прием...

Менять отношения с консерваторией он отнюдь не торопится. «Буду ли я преподавать в Ленинграде? Я отвечаю несколько расплывчато, но не возражаю». (30.11.1932) Но и становясь на «поучающую» сторону Прокофьев отлично помнит азарт ученичества. Относительно встречи с молодыми ленинградскими композиторами в дневнике появляется запись: «Всякий молодой композитор считает себя открывателем Америк, и независимо от того, выйдет ли из него что-нибудь или не выйдет, очень часто смотрит на “мэтра” прежде всего с задором» (20.02.1927)

Прокофьев навсегда остался «учеником». Хотя бы и «своих собственных идей». (1, 30)

И, наверное, человек постоянно и небезуспешно стремящийся к новому-совершенному, имеет право быть таким, каким Прокофьев представляется по воспоминаниям С. Морё:

«[Прокофьев] очень интересовался французским методом преподавания теории композиции, которой я в то время посвятил себя. Он часто протестовал против академического характера этого преподавания: “Из-за всех этих штук вы можете потерять всю непосредственность, — воскликнул он, когда я рассказывал ему о таких вещах, как двойные хоры с двойным контрапунктом. — Забирайте вы своих парней и поступайте как Мусоргский”. Я возразил, что я не Мусоргский, да и не Прокофьев и что сам он подчинялся строгой академической дисциплине. Он громко расхохотался, резко откинувшись к спинке коричневого дивана на котором мы обычно сидели. “Но все это я послал к черту Скифской сюитой”, — сказал он». (1, 112)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью / Ред.–сост. В. Варунц. – М., 1991.
2. *Прокофьев С.С.* Автобиография / Ред. Козлова М.Г. 2-е изд. доп. — М., 1982.
3. Сергей Прокофьев. Дневник 1907–1933. – Paris. France. Serge Prokofiev Estate — DIAKOM (France). 2002.